

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер. III
книга. Дети звёзд**

Александр Баженов

**Бажаник. Семь сфер.
III книга. Дети звёзд**

«Автор»

2026

Баженов А. Н.

Бажаник. Семь сфер. III книга. Дети звёзд / А. Н. Баженов — «Автор», 2026

Артём и Алиса думали, что главные испытания позади. Но небо над яблоневым садом разрывается, и из трещины в реальности выходят Адиты — древние космические существа, принёсшие весть о Пожирателях Света. Совет Семи расколот: одни хотят спасти Землю, другие — уничтожить. Чтобы защитить свой мир, герои отправляются в Набха-локу, где овладевают Первым Лучом, активируют древние мармы, вырезают руны на мечех-Астрах и проходят Испытание Истиной в Зале Отражений. В финале им предстоит не просто битва с Вритрой, одержимым пустотой, а преобразование: тьму нельзя победить силой — её можно только осветить. Эта книга о любви как космической силе, о красоте, которая внутри, и о выборе между светом и тьмой, который каждый делает сам.

© Баженов А. Н., 2026

© Автор, 2026

Александр Баженов

Бажаник. Семь сфер. III книга. Дети звёзд

Бажаник. Семь сфер. Книга II: Врата Шамбалы

Пролог. Зов из-за грани

Прошло два года с тех пор, как я пробудил семь сфер. Наш дом в яблонево́м саду стал тихой гаванью, куда изредка забредали странники — кто за исцелением, кто за советом. Я не отказывал никому, но сам всё чаще чувствовал смутное беспокойство. Сферы внутри меня пульсировали ровно, но временами — особенно на рассвете, когда мир замирает между сном и явью, — я слышал далёкий зов. Он шёл не извне, а словно из глубины земли, из тех корней, что Муладхара проросила в недра планеты.

Однажды ночью мне снова приснился Город Трёх Лун — тот самый, из первого сна. Но теперь он изменился: по улицам, вымощенным перламутром, текли не только золотистые туманы, но и живые существа. Я видел людей с тёмно-золотистой кожей, облачённых в одежды из переливчатого шёлка, похожие на одеяния тибетских лам. Видел зверей, которых нет в нашем мире: крылатых львов с перьями павлина, змей с рогами оленя, птиц с хвостами, горящими как кометы. В центре площади, где прежде стоял обелиск, теперь возвышался храм с восемью гранями, а над ним парил гигантский прозрачный камень — алмаз чистейшей воды, вращающийся медленно, словно планета.

Голос, который я уже знал, зазвучал отовсюду:

— *Семь сфер пробуждены в тебе, но мир велик, и в нём есть врата, что ждут ключа. Ты стоишь у первых. Имя им — Шамбала. Хватит ли мудрости войти?*

Я проснулся в холодном поту. Алиса сидела рядом и держала меня за руку. Кварцевые кулоны на наших грудях пульсировали синхронно.

— Ты тоже слышал? — прошептала она.

Значит, это был не просто сон. Я кивнул, но несколько мгновений не мог вымолвить ни слова — не от потрясения после сна, а от того, как она выглядела в этот предрассветный час. Лунный свет падал из окна на её лицо, и оно казалось выточенным из старой слоновой кости — благородно-бледным, с мягким свечением, идущим словно изнутри. Её русые волосы, обычно собранные в небрежный пучок, сейчас рассыпались по плечам, и в них запутались серебряные нити лунного света. Глаза — серые, с янтарными крапинками, — смотрели на меня с той спокойной тревогой, которую я научился читать за два года: она волновалась, но не за себя — за меня.

— Ты очень красивая сейчас, — сказал я, не думая.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда начиналась в уголках губ и медленно, как рассвет, разливалась по всему лицу, достигая глаз. В такие моменты её глаза меняли цвет: янтарные крапинки словно загорались изнутри, и серый становился золотистым. Это была улыбка, ради которой я готов был пройти любые испытания. Улыбка, которая лечила лучше любого лекарства. Улыбка, в которой помещался весь свет Шамбалы — той, что ещё не открылась нам, но уже жила в ней самой.

— Ты тоже ничего, — ответила она полушутя, но её пальцы крепче сжали мою ладонь. — Рассказывай, что видел.

Шамбала — слово, которое веками будоражило умы мистиков. В тибетском буддизме это сокрытая страна, где хранится учение Калачакры — «Колеса Времени». Рерих искал её в Гималаях, Блаватская описывала как обитель Махатм — Великих Учителей. Но бабушка в своих заметках на полях книги «Семь сфер» написала лишь одну фразу: «Шамбала — не место. Это состояние. Но чтобы его достичь, нужны Врата. Ищи в Азии». Рядом был приклеен

пожелтевший лепесток лотоса — символа чистоты и просветления, — и обрывок карты с надписью на санскрите: «Нагга-двипа» — Остров Змей. Так я впервые услышал о Нагах — мифических существах-змеях, хранителях тайных знаний в индуистской и буддийской мифологии.

И ещё бабушка написала на полях, простым карандашом, почти стёршимся от времени: «Свет внутри тебя — это не просто сила. Это здоровье твоё и тех, кого ты любишь. Храни его, как хранят огонь в очаге — не дай ветру задуть, не дай дождю залить. Ибо когда свет гаснет, первыми замерзают те, кто грелся у твоего костра». Тогда я не понял этой записи. Теперь — понимаю всем сердцем.

Я поделился с Алисой. Она долго рассматривала лепесток и обрывок карты, а потом достала из своей шкатулки амулет — серебряную змею, кусающую свой хвост, инкрустированную изумрудами.

— Это Уроборос, — сказала она. — Символ вечного цикла. Но в индийской традиции змея — это Кундалини, та самая энергия, что поднимается по сферам. Может, твой путь ещё не окончен?

Я смотрел, как её пальцы — длинные, с аккуратными ногтями без лака, пальцы художницы — держат амулет. В этом жесте было столько естественной грации, что я невольно залюбовался. Алиса никогда не позировала, не стремилась выглядеть красивой — и именно поэтому была прекрасна. Её красота была тихой, ненавязчивой, как красота полевого цветка. Она не бросалась в глаза, но, раз увидев, уже не мог отвести взгляд.

— Ты почему так смотришь? — спросила она, заметив мой взгляд.

— Любуюсь, — честно ответил я.

Она чуть покраснела — лёгкий румянец проступил на скулах, и это сделало её лицо ещё живее. В такие моменты она напоминала мне девушек с полотен прерафаэлитов: та же одухотворённость, та же внутренняя тишина, та же загадка в глубине глаз.

В тот же вечер мы начали готовиться к путешествию.

Глава 1. Врата в предгорьях Гималаев

Самолёт до Катманду, затем джип до маленького посёлка на границе с Тибетом, а дальше — пешком. Мы шли по горным тропам, и воздух становился всё разреженнее, но благодаря первой сфере я почти не чувствовал усталости. Алиса дышала тяжелее, но держалась — её Вишудха, приоткрывшаяся за два года, помогала телу адаптироваться. Кварцевые кулоны мы не снимали, и я постоянно ощущал её присутствие — тёплую, спокойную волну на краю сознания.

На третий день пути, в предгорьях, поросших рододендронами, мы наткнулись на древнюю каменную лестницу. Ступени были стёрты тысячами ног, а по бокам стояли обветренные статуи — многорукие божества с ликами, полными потустороннего покоя.

Я задержался у статуи богини с десятью руками. Прикоснулся к складкам каменного сари, и психометрия перенесла меня на три тысячи лет назад. Жрицы в белых муслиновых сари, расшитых золотой нитью, оборачивали каменные плечи шёлком цвета шафрана. Ткань была тончайшей — бенаресский шёлк ручной работы. Поверх накидывали вуаль из прозрачного хлопка, расшитого серебряными звёздочками с алмазными бусинами в центре.

Передо мной пронесли видения. Я увидел, как три тысячи лет назад эту статую одевали в настоящие ткани. Жрицы в белых муслиновых сари, расшитых по краю золотой нитью, оборачивали каменные плечи богини шёлком цвета шафрана. Ткань была тончайшей — бенаресский шёлк ручной работы, который ткали только в полнолуние, чтобы лунный свет вплёлся в нити. Поверх шёлка накидывали вуаль из прозрачного хлопка, расшитого мельчайшими серебряными звёздочками, каждая с бусиной неогранённого алмаза в центре. Гирлянды из живых цветов — жасмина и бархатцев — обвивали запястья статуи, и их аромат смешивался с запахом сандаловых благовоний.

Потом видение сменилось. Я увидел, как другой жрец, столетия спустя, украшал статую драгоценностями. На шею богини он возложил ожерелье из семи нитей: рубины для Муладхары, сердолики для Свадхистханы, топазы для Манипуры, изумруды для Анахаты, аквамарины для Вишудхи, сапфиры для Аджны и, наконец, алмазную подвеску в центре — для Сахасрары. Камни были подобраны так, что каждый загорался от солнечного луча под своим углом, и статуя сияла радугой. На ногах богини звенели серебряные браслеты с колокольчиками, настроенными на семь нот октавы, а на лодыжках — золотые цепочки с крошечными павлиньими перьями из эмали.

— Ты видишь что-то? — тихо спросила Алиса.

— Да... — я с трудом вернулся в реальность. — Они одевали её столетиями. Каждое поколение добавляло что-то своё. Шёлк, камни, цветы. А потом время стёрло всё, кроме камня. Но камень помнит.

— Знаешь, — Алиса задумчиво коснулась стопы статуи, — в этом есть глубокая мудрость. Мы украшаем божественное, хотя оно само — источник красоты. Мы словно возвращаем ему то, что оно дало нам.

Я посмотрел на неё и снова забыл о статуе. Алиса стояла, чуть склонив голову, и её пальцы лежали на каменной стопе богини с такой нежностью, словно она прикасалась к живому. В рассветных лучах её дорожное пальто казалось сотканным из света. Ветер шевелил выбившиеся из пучка пряди волос, и в них играло солнце — так играет оно в крылышках стрекозы, заставляя переливаться тончайшие перепонки. Кончики её ресниц золотились, а на левой скуле, чуть ближе к уху, темнела крошечная родинка — та самая, которую я мысленно называл «точкой отсчёта», потому что именно с неё всегда начинал рассматривать её лицо. Она не носила богатых одежд — только те амулеты, что были с ней всегда: лунный камень на шее, обсидиановый диск, кварцевый кулон и мотанку в кармане. Но сейчас, на фоне древней статуи, она сама выглядела как богиня.

— Есть древняя индийская пословица, — сказал я, — «Красота — это обещание счастья». Эти статуи обещают счастье тем, кто умеет видеть сердцем.

— Или тем, кто умеет ждать, — улыбнулась она. — Три тысячи лет ждать, пока кто-то придёт и оценит.

Я задумался, глядя на статую. Жрицы, украшавшие её, не просто отдавали дань божеству. Они вкладывали в каждый камень, в каждую нить свою любовь — и тем самым приумножали собственный свет. Это древний закон, о котором забыли в современном мире: отдавая свет, ты не теряешь его, а преумножаешь. Когда даришь любовь, её становится больше. Когда отдаёшь тепло, согреваешься сам. Бабушка говорила мне в детстве: «Тёмочка, если хочешь быть здоровым и счастливым, каждый день делай что-нибудь для других. Не ради награды — ради того, чтобы твой внутренний огонёк не гас. Огонёк, который только для себя, — это искра. А огонёк, которым делишься, — это солнце». Я тогда не понимал этих слов. Теперь, глядя на статую, которую украшали три тысячи лет, я понял: свет этих жриц до сих пор живёт в камне. И он согревает меня сейчас, спустя тысячелетия.

Лестница привела нас к ущелью, над которым нависала скала с высеченным в ней гигантским ликом Будды — глаза полуприкрыты, губы тронуты улыбкой. В основании статуи чернел проход. Мы вошли. Темнота сомкнулась, а затем вспыхнул свет — мягкий, жемчужный, струящийся из стен, словно сам камень флуоресцировал.

Пещера оказалась огромной, с куполом, теряющимся в вышине. В центре возвышался алтарь, а на нём — семь углублений, в которых покоились семь кристаллов. Каждый был размером с кулак, огранённый, но не человеческой рукой — грани напоминали природные формы, снежинки, спирали. Они мерцали, и я чувствовал, как мои сферы отзываются на их пульсацию.

— Ключи, — выдохнула Алиса.

Из теней выступили трое. Они не были людьми в привычном смысле. Высокие, с бронзовой кожей, одетые в доспехи, похожие на чешую. Глаза — вертикальные зрачки, на висках — едва заметные узоры, напоминающие змеиные чешуйки. Наги.

— Стойте, пробуждённые, — произнёс старший, кланяясь с достоинством. — Я — Такшака, страж Врат. Вы пришли за ключами, но чтобы взять их, вы должны доказать, что семь сфер в вас не дремлют. Каждый кристалл отдаётся лишь тому, кто пройдёт испытание соответствующей сферы.

— Мы готовы, — ответил я.

— Тогда начнём. Первая сфера — Муладхара. Испытание страхом смерти.

Глава 2. Испытание Первой Сферы: Змей Земли

Такшака взмахнул рукой, и из пола пещеры поднялась каменная платформа. Вокруг неё закрутился вихрь, и я оказался на голой скале посреди бушующего океана. Волны били о камень, ветер хлестал в лицо, а из пучины поднялось существо — гигантский змей с чешуёй, отливающей багрянцем. Он раскрыл пасть, и я увидел бездну.

— Это Васуки, Змей Земли, — раздался голос Такшаки. — Он олицетворяет первобытный страх. Победи его — или он поглотит тебя.

Я вспомнил первую сферу, вспомнил аварию на мокром асфальте, когда Муладхара пробудилась впервые. Тогда я победил боль, но страх смерти — это нечто иное. Змей бросился на меня, и я не стал уворачиваться. Вместо этого я открыл красную сферу в основании позвоночника и направил её энергию в землю — точнее, в скалу под ногами. Корни моего духа проросли в камень, и я стал неподвижным, как гора. Васуки ударил — и рассыпался мириадами искр, потому что страх не может сломать то, что укоренено в вечности.

Видение растаяло. В руке у меня оказался рубин — первый ключ, пульсирующий алым светом.

В мифах Азии змеи — двойственные существа. Они и ядовиты, и целительны; и стерегут сокровища, и открывают мудрость. Наги в индуизме — полубожественные создания, живущие в подземных мирах Паталы, владеющие магией и ядами. Они изображаются с короной из кобр и могут менять облик. Васуки — царь змеев, опоясывающий гору Меру во время пахтания океана. А в моей душе змей Кундалини, пробудившись, свернулся в основании позвоночника и ждал часа, когда поднимется до Сахасары. «Змея — символ мудрости и вечности, — говорила бабушка. — Не бойся её, но уважай». Как сказано в «Шримад Бхагаватам»: *«Тот, кто видит змея Кундалини, спящего в корне тела, тот пробудит её и достигнет освобождения»*.

Алиса помогла мне встать с платформы. Я смотрел на неё — запыхавшуюся, с капельками пота на висках (она переживала за меня так, словно сама была на скале), — и думал о том, как удивительно сочетается в ней хрупкость и сила. Телосложения она была тонкого, почти девичьего: узкие запястья, длинная шея с трогательной ложбинкой у ключиц, плечи, которые, казалось, не могли бы вынести никакой тяжести. Но я-то знал: эти плечи выдержали смерть родителей, годы одиночества, а теперь — путь к Вратам Шамбалы. В этой хрупкости была скрыта стальная пружина. Как в ивовом пруте: гнётся, но не ломается.

— Ты как? — спросила она, и её голос чуть дрогнул на слове «ты».

— Живой, — ответил я. — Благодаря тебе.

Алиса помогла мне встать с платформы. Её ладонь была тёплой, и кварцевый кулон на её шее мягко светился.

— Одно есть, — прошептала она. — Осталось шесть.

После испытания Такшака дал нам время отдохнуть. Я сидел у стены пещеры и рассматривал доспехи нашего проводника. Это была броня, не похожая ни на что виденное мной. Пластины, выкованные из неизвестного металла — не сталь, не серебро, а нечто среднее, цвета грозового неба. Каждая пластина была покрыта тончайшей гравировкой, изображавшей змей,

переплетённых в сложный орнамент. Когда Такшака двигался, змеи на доспехах, казалось, скользили — так искусна была работа.

Поверх доспехов он носил плащ из шёлка, переливавшегося оттенками зелёного и синего, словно павлинье перо. По краю плаща шла вышивка серебряной нитью — мантры на санскрите, каждая буква размером с ноготь, но выписанная с каллиграфической точностью. Я прочитал одну строку: «Ом мани падме хум» — «Сокровище в лотосе». Плащ застёгивался на груди пряжкой в виде змеи, кусающей свой хвост, — Уроборос, инкрустированный изумрудами и мелкими бриллиантами.

— Тебе нравится моя броня? — спросил Такшака, заметив мой взгляд.

— Она прекрасна, — честно ответил я.

— Её ковали мастера Паталы, подземного мира, пять тысяч лет назад. Каждая пластина омыта в семи священных реках и благословлена семью мудрецами. Этот плащ ткали из нитей лунного шёлка — гусеницы, что живут только в садах Шамбалы, дают шёлк, светящийся в темноте. Видишь?

— Он провёл рукой по краю плаща, и вышивка засветилась мягким серебристым светом.

— В бою этот свет ослепляет врагов, привыкших к тьме.

Алиса, сидевшая рядом, восхищённо вздохнула:

— Я бы хотела нарисовать этот плащ. Но ни одна краска не передаст этого свечения.

Я посмотрел на неё. Она стояла, чуть приоткрыв губы, и в её глазах отражался серебряный свет плаща. В такие моменты она сама была как живая картина. Я подумал, что если бы какой-нибудь художник решил написать «Восхищение», он должен был бы писать Алису в этой пещере, перед плащом Нага. Её способность восторгаться красотой была одной из тех черт, что я любил в ней больше всего. Она не просто видела прекрасное — она впускала его в себя, и оно преображало её лицо, делая его ещё светлее.

— Искусство, — ответил Такшака, — это тоже магия. Ты рисуешь — и твоя душа остаётся на холсте. Это не менее ценно, чем шёлк из Шамбалы.

Такшака говорил о своём плаще, а я думал о другом. О том, что каждый предмет в этом мире — даже доспехи — пропитан любовью тех, кто его создавал. И эта любовь, этот свет, вложенный мастерами пять тысяч лет назад, до сих пор живёт в металле и шёлке. Он защищает не хуже стали. Он согревает не хуже огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.